

Наталья Кисель

ДУХОВНЫЕ КОСТРЫ

А самое главное наше желание — сделать Россию богатой, процветающей.

Ф. Абрамов «Чистая книга».

От «Чистой книги» Ф. Абрамова исходит какой-то удивительный свет. Его можно было бы сравнить с северным сиянием, но только не неба, а души народной — такой же ясный свет, играющий в переливах цветами радуги, и в то же время строгий, подобно нраву и образу зимней северной природы. Одухотворенность книги редкостна, сказывается во всем: от эпического замысла до поэтической детали и языка. Замысел автора открывает Россию начала XX века — ее Север, Пинежье. Стремление понять историю края ведет писателя к народу, интеллигенции, к напряженному перекрестку их исканий праведной жизни. «Народ и интеллигенция на Севере — духовные костры. Споры о судьбе России...» — таковы линии эпического замысла, обращенные к двуединому руслу русской истории — народу и интеллигенции. Они хранят тайну, в которой «почиет Русь» (А. Блок), — многие, причастные к тайне, пытались разгадать ее, но так и осталась она не постигнутой до конца русской темой века.

Ф. Абрамов оставил нам памятные вехи своих многолетних раздумий над книгой:

1. Поиски в народной гуще (мечты о Беловодье, миграция в Сибирь, на тучные земли, странничество, бродяжничество — в крови русских, набожность (староверы), общинная жизнь).

2. Церковь. Аникий. В области духа христианство — самая великая революция.

3. Революционеры. Экстремисты разных мастей.

4. Культурничество и просветительство.

5. Деловая жизнь. Болтовня все эти рассказы о новой жизни. Новую жизнь надо строить. Дороги. Города. Фабрики. Заводы.

В раздумьях писателя — завязь проблем исторической жизни Севера России начала века. К их воплощению и развитию приковано внимание автора «Чистой книги», которая должна была стать итоговой в творчестве Ф. Абрамова. Эпическое полотно книги охватывало бы события от первой революции 1905 года до репрессий 1937; однако, несмотря на то, что работа над книгой была начата еще в 1958 году, книга осталась незавершенной. Из огромного, собранного писателем материала написанными оказались 18 глав. Незавершенная «Чистая книга» удивительно предсказывает буду-

щее, а именно: историческое возвращение России в начале XXI века все к тем же вопросам русской жизни. В возвращении проявляется не только закономерность циклического развития, но и линии исторической судьбы, согласно которым Россия на рубеже веков неизбежно приходит к выбору пути, к поискам своего исторического, духовного и социального самоопределения. «Чистая книга» — об исконных началах обустройства русской жизни, о созревании воспламеняющих идей и движущих сил общества. Являясь творческим завещанием Ф. Абрамова, «Чистая книга» так необходима нам сегодня, когда Россия мучительно и тягостно одолевает путь к своему Возрождению, когда вновь — сквозь призму исторического опыта XX века — столь высока цена ошибок и обретенных, поисков и утрат.

«Чистая книга» одарена живой, подлинной народностью, которая проявляется прежде всего в крупном мышлении — отвечающем, ищущем, прикованном к существу в жизни — человеку, приросшему всеми своими помыслами и делами к устройению своей земли, дома, семьи, к тому, что неотделимо от общей жизни — жизни миром (по Л. Толстому). Вот только один пример. Оценка русского купечества — пинежских богачей, — материал, собранный писателем для одной из сюжетных линий — «Лесное дело. Богачи. Володины. Кыркаловы и др.» В понимании могущества сибирского купечества важна связь с природным богатством края. «Кыркаловы. Люди, наделенные лешьей силой. Говорят, эта лешья сила от болота — вместе с туманами входит в дом. Потому-то так держатся за родное гнездо. Замшелые лешаки.

От чего пошли Кыркаловы? Разное говорили. Многие на Пинеге еще помнят, как братья Кыркаловы вместе с мужиками заготавливали лес. В каботках... Кыркаловы, вероятно, были самыми могущественными лесопромышленниками на Севере...» Да, богата, щедра северная земля, но и сурова — отдает она свои дары таким вот, кражистым, вросшим в нее, благодаря семейной завязи поколений, пронесшим всю ее тяготу на своих плечах — ценою непрерывных усилий и труда.

Пример о купцах Кыркаловых взят из второй части «Чистой книги», в которой помещены разработки тем, образов, страницы дневника писателя, авторские размышления над книгой. Какую энергию исторического смысла они несут! Энергию, не успевшую получить творческого воплощения. Взять только размышления о вечном «живых законах души». Как сделать их действительно основой правопорядка в обществе? Их несогласие — извечная русская беда. «То был, был в русском народе свод законов — неписанный свод, свод души во главе с матушкой совестью. Да, да, все судилось законами совести. И еще в деревне — законами общины». Свет души человека как знамя подняла русская литература. Это было знамя совести, милосердия, сострадания. Без него правопорядок общества мертв. «И этот свет привел в восторг весь Запад. Так увидели Россию...»

Бесценны раздумья писателя над русской жизнью, — вот только бы голос его был услышан и получил отзыв в созидании современного общества, став неотъемлемой частью его самосознания. Смогут ли посеянные им семена прорасти, укорениться в народной жизни? Дадут ли всходы?

На пути одоления—духовно растущему обществу, освобождаю-

щему себя от пут безответственности и разъединения — необходим исторический опыт осмысленных ошибок и выверенных истин, Учат ли чему-нибудь уроки истории, или неизбежно их повторение?

Пристально рассматривается Ф. Абрамов в разгоревшееся пламя идейных споров интеллигенции о России. На Севере и в Сибири интеллигенцией были ссыльные. Они зажигали искры идей в народе. Они звали к борьбе за социальную справедливость обездоленных и обиженных, таких, например, как Савва Порохин. Но приведет ли революция и вызванное ею насилие, гражданская война к лучшей и справедливой жизни? Насилие и кровь гражданской войны отзовется в сталинскую эпоху. Судом народной совести — покаяния и примирения — автор оценивает опыт смуты и гражданской войны в России. Извлекая уроки из прошлого, автор видит ошибку интеллигенции в апологизации научной теории переустройства общества, далекой и чуждой национальному укладу народной жизни. Не случайно писатель вводит в повествование дневник, в котором раскрывается внутренний мир одного из ссыльных — Юры Сорокина. Мучительные сомнения этого героя были близки к истине, которой сочувствует и сам автор книги. «С чего мы решили, что мы выше, имеем право учить их? А если нам поучиться у них?.. Два потока жизни... Не лучше ли слить? Пролетариат... Выше, сильнее. Более организованная личность? А так ли это? Личность, мир которой каждый день железная гайка. — богаче, чем человек, мир которого вся вселенная?» И вновь мы сталкиваемся с протестом против самодовлеющей власти теорий и оценок, которые с безоглядной самоуверенностью накладываются на необозримый океан жизни.

Ф. Абрамов на стороне почвенной русской интеллигенции, которая несет на своих плечах ношу созидания жизни. Ее дело — «просветительство и культурничество», труд духовного созидания жизни и миропорядка. Поддержать бы ее, не задавить тягостью труда, не оцененного достойно, — и расцвела бы деятельность земств, просвещение, культура, врачебное дело. Трудом своим почвенная интеллигенция несет свет жизни, она ближе к пониманию подлинных народных ценностей и далека от их идеализации. Идеализации незнания или отвлеченного надуманного знания народной жизни. Это та интеллигенция, которая «всегда была с народом», там, где «народ, к несчастью, был», — и с Россией — делила их общие невзгоды и беду. Держалась и «держала», несмотря на все исторические ветры и ураганы. Это та интеллигенция, которая не уходит и не отказывается от борьбы, но ставка делается на победу созидания жизни, в созидании усматривая подлинную силу общества и народа, а не в жажде ниспровержения и возмездия. Можно свести эту позицию к «теории малых дел», что ж, повторим известную истину: с малых ручейков начинаются великие реки России — слиянием тысячи малых дел создается великое целое народной культуры и государства.

Творческая сверхзадача книги Ф. Абрамова отвечает общему созидательному делу русской почвенной интеллигенции. Эпичность ее исторического замысла связана с традициями народной культуры Севера. Один из центральных образов — образ народной сказительницы Марии Дмитриевны Кривополеновой, в книге — Махоньки. Писатель обращается к преданию, бытующему в народе, согласно которому «Чистая книга» должна быть наделена легендарной силой

святости и чистоты, озаряющей прозрением на всю жизнь. Прочитавший такую книгу из слепого делается зрячим, он постигает правду жизни, и «знает отныне, как жить, что делать». Для того, чтобы открылась такая книга, — до нее нужно дорасти и духом, и всею жизнью. Характерна запись из дневника Ф. Абрамова: «Великий день. Открылась философия «Чистой книги». Жизнь в своих истоках всегда чистая, и нравственная высота человека определяется тем, насколько он близок к этим истокам, в какой мере он несет в себе эту чистоту, насколько он художник, творец... Мера отсчета — Махонька».

Святость, чистота, духовный свет, — как ни были подавлены они тяготами и испытаниями, как бы глубоко ни поглощало их социальное дно жизни. — исконны для народа; в устремлении к ним, в искании правды — вечная его тоска и мука. Ее не заглушить и не сдержать никакими внешними, не прошедшими через огонь испытания народной совестью, благами. В пламени этого костра сгорают и жизни, и судьбы. И как часто бывает — в изломанности судеб, в несбывшейся жизни героев теплится в глубине, под корой горького нароста, неутраченный свет души, ее совестливости и чистоты. И потому Ф. Абрамов, показывая роль «интеллигентской вышки», все-таки верховным судьей оставляет Махоньку. «Махонька всему судия. Она выше оказалась и интеллигентов и людей из народа. Выше и мудрее». Автор вновь и вновь пытается разгадать ее характер, понять открывающуюся в нем тайну народного духа с его дивной одаренностью творчеством жизни. В неприятельском прозвище Махоньки сказались и внешняя неказистость, неброскость, простота героини, без мнимой напускной кажимости и самомнения. Невидимый внешне, в Махоньке живет божий дар гениальной народной сказительницы, песенницы. Ей легко удается воскресить и память далеких ушедших времен, и жизнь исторических героев древней Киевской Руси, и чудесные были-небылицы. Каким-то чудом сохраняется в ней и оживает дивная сила сказаний, наделяя радостью слушателей, создавая праздник. Как во сне, как в сказке пролетают дни, когда зааживает в дом в гости к Порохиным Махонька. Сбегаются тогда и старые и малые. Махонька — странница, она ходит «дорогами земными и дорогами временными», ей легко соединить, преодолевая время, настоящее с прошлым, жизнь с вымыслом, земное с духовным. Собственная жизнь Марии Екимовны не сложилась, но она не считает себя обездоленной, не завидует богатству, не тяготится нищенством. Махонька вмещает весь мир в себя, ей все интересно, ко всему льнет, всех одаряет своим великим жизнелюбием и добротой. Если для строгой Марьюшки «люди мерзкие, все в грехах, как в коростах», то Махонька любит людей, прощает людям их слабости. Как пчела мед, Махонька собирает хорошее, красивое, доброе. «Все для нее было живым. Лес, поля, ущелья... Зайки, живые и сказочные, лисы, волки, вороны, сороки...»

Махонька гибнет жертвенно, пытаясь в годы гражданской смуты примирить своим Словом убивающих друг друга людей. Но впервые ее слово — слово отцов и дедов, на котором стоял мир, не принимают. Пришло другое время, — прежний мир, который «держался словом былины и скоморошины», кончился. Край русского Севера, куда бежали, чтобы сохранить душу в скитах и мо-

настырях в XX веке станет другим.

В конце «Чистой книги» — незавершенные главы и наброски, в которых намечено многообразие характеров и судеб разных героев, выросших, подчас, из одного семейного корня, но таких непохожих. Одни из них — борцы за справедливость, взыскующие правды и истины, другие — настоящие земледельцы, влюбленные в крестьянский труд, третьи — либо стяжатели, мечтающие лишь о приумножении богатства, либо страдальцы, чистые душой, подвижники. В русском человеке уживаются порой полярные устремления и качества: это один из широких, неоформленных характеров. Еще И. Бунин сказал, что из русского народа, как из дерева, и икона и дубина. Сильное его начало — стремление к чистоте, правде жизни, слабое — надежда на чудо, — «не сам человек делает жизнь, а ждет, надеется на других». Полярные тенденции определяют и исторический опыт нации, незримо таят как его взлеты, так и падения.

«Чистая книга» своей напряженной духовной мыслью убеждает в стойкости жизненной нравственной философии народа, верной «всепобеждающему деянию добра». «А что мы без народа? Мы выродимся, обнищаем, Вот что нужно признать». Не учить народ, а учиться у него. Хранительницей бесценного опыта народа и является «Чистая книга» Ф. Абрамова.